

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОДТЕКСТЫ РЕПЛИКИ “ПЕРЕСТАНЬТЕ РЕБЯЧИТЬСЯ” В “ПИКОВОЙ ДАМЕ”

© 2013 г. В. С. Листов

Автор использует исторические источники, которые, по его мнению, дают возможности для углублённого истолкования одного из ключевых эпизодов пушкинской повести. Среди этих источников – стихи Д.И. Фонвизина, дневник С.А. Порошина, воспитателя наследника-цесаревича Павла Петровича, воспоминания Ф.Ф. Вигеля и др.

The author of the article draws upon historical sources, which, he believes, thoroughly illuminate a key episode from the Pushkin short story. The sources include poems by D.I. Fonvizin's, the diary of S.A. Poroshin (tutor of the heir apparent Tsesarevich Pavel Petrovich), F.F. Vigel's memoirs, etc.

Ключевые слова: Россия, Петербург, Зимний дворец, Михайловский замок, XVIII век, А.С. Пушкин, Н.И. Панин, С.А. Порошин, Н.П. Голицина, Екатерина II, наследник-цесаревич Павел Петрович, В.Я. Мирович, З.Г. Чернышов.

Key words: Russia, St. Petersburg, the Winter Palace, the Mikhailovsky Castle, the 18th century, A.S. Pushkin, N.I. Panin, S.A. Poroshin, N.P. Golitzina, Catherine the Great, the heir apparent Tsesarevich Pavel Petrovich, V.Ya. Mirovitch, Z.G. Chernyshov

Глава третья “Пиковой дамы” завершается, как известно, смертью графини ***. Этому событию предшествует длинный убеждающий монолог Германна, обращенный к старухе Анне Федотовне. Германн просит, умоляет, наконец, с угрозой требует открыть ему тайну трех выигрывающих карт. Старуха молчит и только однажды откликается на домогательства инженера: “Это была шутка <...> клянусь вам! Это была шутка!” [1, т. 8, с. 241]. Реплика Анны Федотовны находит много смысловых аналогий в произведениях Пушкина. Тут и “шутка” Сильвио в “Выстреле” на втором поединке с графом [1, т. 8, с. 74]; и шутка Моцарта в маленькой трагедии, которой мог быть угощен Сальери в сцене со “слепым скрипачом” [1, т. 7, с. 125]; наконец, шутка с медведем над молодым Дубровским в доме Троекурова [1, т. 8, с. 188]. Всё это, заметим, шутки с кровавым привкусом.

Наше внимание будет преимущественно обращено на знаменитый эпизод развязки сцены. Германн, требуя тайны трех карт, теряет терпение:

– Старая ведьма! – сказал он, стиснув зубы, – так я ж заставлю тебя отвечать...

С этими словами он вынул из кармана пистолет.

При виде пистолета графиня во второй раз оказала сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела... Потом покатила навзничь... и осталась недвижимой.

– Перестаньте ребячиться, – сказал Германн, взяв ее за руку. – Спрашиваю в последний раз: хотите ли назначить мне ваши три карты? – да или нет?

Графиня не отвечала. Германн увидел, что она умерла” [1, т. 8, с. 241].

1

Приведенный отрывок – весьма показательный образец пушкинской прозы. Давно и не нами замечено, что акцентированные фрагменты сочинений Пушкина часто несут в себе зерно понимания всей вещи, вещи в целом, содержат намёк на общий смысл произведения. Например, в эпизоде метели из “Капитанской дочки” всё дальнейшее действие предопределено бессознательным ворчанием дядьки Савельича: “И куда спешим? Добро бы на свадьбу?” [1, т. 8, с. 287]. В скрытом виде здесь вся фабула романа. Ничто не мешает рассматривать “Капитанскую дочку” как путь офицера Гринёва к свадьбе с девицей Мироновой. Ещё пример: в повести о царском арапе вертопрах Корсаков предостерегает Ибрагима – женишься, будешь “чужих детей качать” [1, т. 8, с. 30]. Здесь – как бы вскользь, мимоходом, – вся перспектива рассказа о неверности будущей супруги “негра безобразного”, о его африканской ревности.

Точно так же и реплика Германна “перестаньте ребячиться” лишь на первый, поверхностный взгляд кажется случайной, необязательной по-

дробностью. За нею видятся целые пласты смыслов – исторических, литературных, житейских. Достаточно заметить, что от прочтения “Пиковой дамы” – особенно от первого читательского знакомства – остаётся двойственное впечатление: мы не можем решить, фантастическая ли это повесть или всё в ней необъяснимое происходит в поврежденном сознании инженера. Эта двойственность выступает даже на кратчайшей протяженности разбираемой сцены. Мы слышали, как только что графиня *** клялась, будто нет никакой тайны трёх карт; это была шутка. Но ведь сразу вслед за этим, под дулом пистолета, она “закивала головою”, как бы готовая назначить, наконец, могущественную череду карт. И это последнее, предсмертное её движение.

В сердитой реплике Германна далеко не только простое нетерпение раздраженного корыстолюбца. Тут, если угодно, целая философия, основанная на литературной традиции истекшего, XVIII века. Германн не носитель этой философии, но под ее наблюдения и выводы он совершенно точно подпадает. Достаточно будет напомнить суждение П.А. Вяземского, высказанное в письме к П.И. Бартеневу: «на рубеже 20–30 годов Пушкин “фонвизинствовал”» [2, с. 139], т.е. находился под особенным обаянием Дениса Ивановича Фонвизина. На сочинения и биографию автора “Недоросля” ориентированы многие строки и даже страницы пушкинских прозы и стихов. Нам, например, удалось выявить скрытую цитату из Фонвизина в VI главе “Евгения Онегина” [3, с. 89–92].

Последнее предупреждение Германна старухе – “перестаньте ребячиться” – приводит нас к знаменитому стихотворению Д.И. Фонвизина “Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке” (1769). Пушкину оно было не просто известно. Ещё в лицее, отчасти по мотивам этого образцового сочинения, написал он свою сатиру “Тень фон Визина” (1815). Озорная фантастика этого произведения строится на том, что покойный Денис, соскучившийся на том свете, получает разрешение на короткий визит в наш, посюсторонний мир. Сравнивая прошлое с текущим настоящим, он с грустью убеждается, что соотечественники не стали ни умнее, ни счастливее. Вот каким монологом Пушкин наделяет своего героя:

Вздыхнул Денис: “О Боже, Боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой, Петрушка:
Весь мир бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен” [1, т. 1, с. 157].

Пушкин не объясняет, кто такой Петрушка. Его, Пушкина, читатель прекрасно знает “Послание...” Фонвизина. Трем своим слугам – в том числе и Петрушке – Денис задает философический вопрос: “На что сей создан свет?”. И в своём далёком 1769 году получает ответы, клонящие к признанию тщеты и бессмысленности мира. Конечно, мотивы игры (“игрушка”?) и явления призрака из загробного мира и сами по себе могли бы наметить направление от полудетской сатиры к будущей “Пиковой даме”. Но фонвизинский оригинал, на который ориентированы стихи лицеиста, существенно укрепляют эту отдалённую связь:

Я мысль мою скажу, – вещает мне Петрушка,
Весь мир, мне кажется, ребятская игрушка...
Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
И так вертится свет... [4, с. 211–212].

Настаивая на пустоте и неразумности мироустройства, Фонвизин в маске слуги сравнивает людские страсти с кукольной комедией. Вряд ли случайно монолог, столь не комплиментарный для человечества, автор отдаёт домашнему философу по имени *Петрушка* – намёк на героя кукольной комедии. Мир как *ребятская игрушка* предстаёт у Фонвизина во всём ужасе своего легкомыслия, в том, что и Пушкин назовет потом насмешкой неба над землей. В духе своего скептического века, Фонвизин предлагает безрадостную воображаемую модель мира: стол (может быть даже и картонный стол), населённый не людьми, а куклами, ломающими безумную, едва ли не детскую, комедию.

С этой точки зрения миры героев “Пиковой дамы” – Германна, графини ***, Лизаветы Ивановны, – предстают не более чем издавна известными “ребятскими игрушками”; одну из игрушек, тайну трех карт, кукла-Германн пытается отнять у куклы-старухи. При таком подходе, конечно, исчезают, испаряются все психологические тонкости сюжета. Но это как раз в духе XVIII столетия и не должно нас смущать. Ведь и прототипом философического Фауста у Гете был Фауст-кукла в немецких ярмарочных балаганах [5, с. 17], [6, с. 150–188].

Если жизнь есть “ребячество”, то, перестав ребячиться, Анна Федотовна перестаёт и жить.

Сознание зыбкости, неясности границы между здешним и загробным мирами сопровождает

Пушкина всегда — от лица до последних лет жизни. Об этом надёжно свидетельствуют стихотворения “К молодой вдове”, “Недвижный страж дремал на царственном пороге”, “Олегов щит”, “Андрей Шень”, поэма “Медный всадник”, та же “Пиковая дама” и некоторые другие произведения. Мистика призрачных явлений особенно ощутима вокруг таких исторических характеров как Павел I и Александр I.

Эти же монархи, последовательно правившие на рубеже XVIII и XIX веков, замечены в сгущении вокруг своих персон как мистических мотивов, так и в склонностях к “ребяцким игрушкам”.

Понятно: реплика “перестаньте ребячиться”, сама по себе ни с какими тайнами не связана и вполне уместна в быту, в повседневности. Однако для Пушкина и его окружения она обретала не только бытовой, но ещё и специфически придворный смысл. Для нас будут важны два эпизода, отмечающие собою начало и конец жизни императора Павла I.

Середина 60-х годов XVIII века...

У сына Екатерины II, наследника-цесаревича Павла Петровича, было два воспитателя. Один — крупный вельможа, президент иностранной коллегии Никита Иванович Панин; другой — офицер Семён Андреевич Порошин, дядька, наставник мальчика в арифметике и геометрии. В 1764–1765 гг. Порошин вёл дневник, сохранивший многие подробности придворной жизни. Среди других повседневных событий в дневнике упоминаются обеды втроем — Павел, Панин, Порошин. На этих обедах, куда часто приглашались избранные гости, для цесаревича как бы приоткрывалось окно в мир: руководитель внешней политики империи знакомил сотрапезников с зарубежными происшествиями, с сообщениями европейских газет, с событиями прежних царствований. Никита Иванович Панин был славным рассказчиком.

В дневнике Порошина под 9 октября 1764 года названы четверо сотрапезников. Это государь-наследник Павел Петрович (ему десять лет), Никита Панин, граф Александр Сергеевич Строганов и сам автор дневника Порошин. Беседа начинается с обсуждения мелочей придворной жизни, но постепенно приходит к предметам куда более серьёзным. Речь идёт о недавней попытке дворцового переворота. Подпоручик Василий Мирович попробовал вернуть на российский престол брауншвейгскую династию, отстранённую от власти ещё Елизаветой Петровной. Для этого он совершил дерзкое нападение на Шлиссельбургскую крепость, где содержался свергнутый император Иван VI Антонович. Подпоручик желал посадить

брауншвейгца на престол — вместо императрицы Екатерины II. Попытка не удалась, и Мирович был казнён.

Порошин так излагает содержание застольной беседы:

«Наконец разговорились о казнённом бунтовщике Мировиче. Гр. Александр Сергеевич Строганов рассказывал, с какою твёрдостью и с каким благоговением злодей сей приступил к смерти. Его Превосходительство Никита Иванович изволил сказывать о смешных и нелепых обещаниях, которые он, Мирович, делал святым угодникам, если его намерение кончится удачно. При сем рассказывал ещё Его Превосходительство о казни одного французского аббата в Париже. Как палач взвел его на виселицу и, положив петлю, толкнул с лестницы, то аббат держался за лестницу ногою, не хотел повиснуть. Палач толкнул его в другой раз покрепче, сказал: *descendez donc, ne faites pas l'enfant Mr l'abbe* (“Падайте же, перестаньте ребячиться, мсье аббат”). Сему весьма много смеялись» [7, с. 53–54].

Досушая беседа за обеденным столом, конечно, свободно перетекает от одного предмета к другому. Дело Мировича для сотрапезников более чем серьёзно. Оно — при другом исходе — вело к перемене царствования и к совершенно очевидной утрате общественного положения, а, может быть, и жизни, для всех присутствующих. Например, наследник-цесаревич мог бы сменить императора Ивана Антоновича в пустующем каземате Шлиссельбургской крепости или даже убит как его отец Пётр III. Но на этот раз дворцовый переворот не удался, что и даёт возможность Никите Панину немного пошутить, сопоставить трагическую казнь Мировича с едва ли не фарсовым повешеньем какого-то французского клирика.

Застольный рассказ Панина имел любопытное продолжение. На следующий день, 10 октября, к обеду у наследника-цесаревича было приглашено блистательное общество: его сиятельство вице-канцлер граф Захар Григорьевич Чернышов с братом Иваном, его превосходительство Пётр Иванович Салдерн, Иван Логинович Кутузов и морской офицер Телепнев. Мелкие и мельчайшие подробности трапезы заносит в дневник Семён Порошин:

“Никита Иванович подподчивал Его Сиятельство вице-канцлера блюдом котелетов, и, как он отговаривался, что не хочет, то Его Высочество, вспомня вчерашний Никиты Ивановича разговор, сказал Его Сиятельству: *prenez donc, mon Prince, ne faites pas l'enfant*” [7, с. 55–57]. (“Ешьте же, граф, перестаньте ребячиться”).

Мальчик-Павел не просто вспоминает “вчерашний разговор” Панина, но пародирует его, применяя к вице-канцлеру Захару Чернышову. Подразумевается, что предлагаемые графу котлеты отравлены, и он не хочет их есть так же, как парижский аббат не желает быть повешенным. Тем самым в придворном быту закрепляется специфический, “домашний” смысл выражения “перестаньте ребячиться”: оно обретает права эвфемизма, означающего – *довольно упираться, нельзя уходить от того, что сделать должно*. Для нас здесь необходимо подчеркнуть два обстоятельства.

Во-первых, обобщённое, расширительное истолкование реплики принадлежит юному Павлу Петровичу, будущему императору. По-видимому, всё, что связано с делом Мировича, глубоко затронуло чувства и мысли мальчика. Эта догадка находит подтверждение всё в том же дневнике Порошина. Ещё в сентябре 1764 года воспитатель наследника записывает; “Когда о совершившейся 15 числа сего месяца над бунтовщиком Мировичем казни изволил Его Высочество услышать <...>, опочивал ночью весьма худо” [7, с. 15]. Убийство Ивана VI теми, кто был поставлен его охранять, и последующая казнь Мировича вселили в душу мальчика если не ужас, то, по меньшей мере, серьёзное беспокойство. С годами оно могло только усиливаться. Отец Павла Петр III и Иван VI Антонович, законные монархи, убитые с согласия и при попустительстве матушки Екатерины Алексеевны, всю жизнь стояли перед мысленным взором цесаревича, а потом и императора. В ином случае, кто и как защитил бы его, наследника престола, от произвола маменьки или от нового Мировича? Этот страх перед кошмарным будущим как бы сгушался в реплике “довольно ребячиться”; или, как минимум, сопровождался этой репликой. История протягивала пока невидимую нить от спаленки мальчика до опочивальни в Михайловском замке, где насильственно оборвётся жизнь воспитанника Семёна Порошина.

Во-вторых, заслуживает упоминания персона, к которой Павел обратил свою шутку с кровавым привкусом: вице-канцлер граф Захар Чернышов. Оставим в стороне все его ордена, титулы и заслуги перед отечеством. Нас он интересует здесь только как родной дядя Натальи Петровны Голицыной, урожденной Чернышовой. Три брата Чернышовых – Захар, Иван, Пётр – из ближайшего окружения Екатерины II; их имена в 60-е годы постоянно мелькают в летописях придворной жизни – на куртагах, аудиенциях, смотрах, балах, театральных спектаклях. Сама двадцатилетняя Наталья Петровна на рождественском балу

1764 года имеет честь танцевать с государем-наследником [7, с. 227]. Какая точка пересечения истории и литературы – будущая “пиковая дама” идёт в менюэте с будущим самым романтичным императором!

Ни с дневником Порошина, опубликованным только в 1844 году, ни с семейным преданием Чернышовых Пушкин, скорее всего, знаком не был. Но самую историю он мог слышать. Парижские происшествия на протяжении многих десятилетий передавались из уст в уста – особенно в Петербурге, особенно при дворе. Наследник-цесаревич, а потом он же и государь Павел Петрович, был весьма разговорчив и нередко посвящал придворных в малозначительные подробности своей жизни. Историю о палаче и жертве могли впоследствии рассказывать и Панин с Порошиным, и гости, обедавшие у цесаревича 10 октября. Всё это обсуждалось, и не было бы ничего удивительного, если б к 30-м годам XIX века возглас “Полно ребячиться!” стал кульминацией известного анекдота из жизни предреволюционной Франции.

Угрожающая реплика ещё однажды прозвучала на русской исторической сцене. Убийцы Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, исполнив свой ужасный замысел, столкнулись с неожиданной трудностью. Их судьба, судьба переворота, зависят от настроения гвардейских полков – Семеновского, Преображенского. Семёновцы послушно кричат “ура!” новому императору. А вот преображенцы и солдаты других полков что-то не склонны радоваться и верить такой мгновенной перемене царствования; у них сомнения – чистое ли дело? Во всяком случае, они не кричат “ура!”, а, как и положено народу, – безмолвствуют. Совершенно ясно, что царский сын Александр Павлович должен к ним выйти и подтвердить: государь-отец Павел Петрович скончался. Но – не тут-то было. Истекают первые минуты его правления, а новый император находится в таком виде, что его просто нельзя показывать гвардии.

Он сидит в своих покоях, в кресле, без мундира, с синей лентой поверх жилета. Бледен, растерян; не владеет собой, плачет, молится. О заговоре Александр заранее знал и на переворот соглашался. Но, кажется, убийство батюшки в его планы все-таки не входило; это уж чересчур. Узнав о смерти отца, он совершенно потерял голову. Однако, жалостливые пени, слёзы и ломанье рук в планы убийц явно не входили. Один из заговорщиков свидетельствовал:

“Император Александр предавался в своих покоях отчаянию, довольно натуральному, но

неуместному. Пален, встревоженный образом действий гвардии, приходит за ним, грубо хватая его за руку и говорит: **“Будет ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардии”** [8, с. 149; 9, с. 328].

Реплику, ставшую с тех пор исторической, произносит граф фон дер Пален, петербургский военный губернатор, один из главарей заговора. Ему удалось привести нового царя в чувство и показать войскам, но все дальнейшие подробности нас здесь занимать не будут. Может быть, стоит только отметить одно из многочисленных последствий 11 марта: жена Александра Павловича, великая княгиня, а отныне императрица, Елизавета Алексеевна в ночь переворота не потеряла самообладания, распоряжалась мужественно и уверенно в замке, где царила анархия и бродили пьяные офицеры и слуги. Она навсегда утратила уважение к своему августейшему супругу – особенно когда Александр бросил ее в опасных обстоятельствах и трусливо бежал из Михайловского замка в Зимний дворец [9, с. 328].

От той ночи остались в отечественном сознании многочисленные трагические следы. Даже комплиментарное для государя прозвище – ангел – отчасти намекало на инфантилизм царя, на его разобщение с реальной, взрослой жизнью. Так же и реплика Палена, о ребячестве императора, вошла в историю как эмблема кровопролития, перед которым не следует останавливаться. Инженер Германн, далёкий от русских преданий, скорее всего, не ведаёт специфического смысла реплики, которую он обращает к Анне Федотовне. Зато сама старая графиня, по-видимому, хорошо расслышала смертельную угрозу – ещё даже до того, как пистолет появился в руке ночного гостя.

Уже в первом диалоге “Пиковой дамы” выявлена национальность будущего злодея – “Германн немец: он расчётлив, вот и все!” [1, т. 8, с. 227]. В каком-то смысле, он выступает прямым потомком фон дер Палена, тоже расчетливого злодея из немцев¹. Оба действующих лица – и реальное, и вымышленное – объединены изречением, звучащим в известных контекстах, как полный отказ от нравственных ограничений.

Одна из любимых мыслей Пушкина, как известно, состояла в том, что “наш век торгаш” уступает далёкому и даже близкому прошлому:

¹ Указано И.А. Энгельгардтом. М., 1956. В 1916 г. в разгар войны против немцев это обстоятельство послужило одним из мотивов экранизации “Пиковой дамы” режиссёром Я.А. Протазановым.

не тот размах, не та крупность характеров. Лестница, которая много десятилетий тому назад вела благородного любовника *вверх*, в спальню молодой Анны Федотовны, теперь служит корыстолюбивому Германну для бегства *вниз*, в круг маленьких меркантильных интересов. Тот же Германн в пушкинском мире соотносится (по сходству реплик) с настоящим великим злодеем – Паленом. Он-то Пален, не на жалкую кучку ассигнаций покушается, а на распоряжение судьбой великой российской державы.

Вступив в сговор с Паленом, допустив убийство отца, Александр Павлович навсегда изуродовал свой характер, свою жизнь, своё правление. Отныне каждый раз, когда на остром повороте царствования ему надо будет принять решение, государь станет сидеть в креслах и ждать кого-то взрослого, кто войдёт и скажет: “довольно ребячиться!”. В роли этого “взрослого” перебивали такие разные персоны, как Лагарп и Пален, Наполеон и Сперанский, Кутузов и Карамзин. А всего более – граф Аракчеев. Известный мемуарист Ф.Ф. Вигель утверждает, что ещё при Павле I “Аракчееву поручено было тайно присматривать за его деяниями” [10, с. 446]. И наследник-цесаревич об этом знал. Призвав для управления страной Аракчеева, император Александр подтвердил догадку многих своих современников, что до седых волос он нуждался в дядьке, в наставнике. (В скобках напомним, что Петруша Гринев выходит из повиновения дядьке Савельичу и тем начинает свою взрослость). За Аракчеевым, как за каменной стеной, царь мог спокойно ребячиться, почти не прикасаясь к трудным державным вопросам.

“Что я? царь или дитя?” [1, т. 3, с. 531] – вопрошает Салтан из пушкинской сказки. Читатели-современники чутко улавливали такие намёки.

* * *

Таким образом, реплика, обращенная инженером Германном к графине ***, имеет давнюю и разветвленную историю, тяготеющую, в основном, к XVIII веку.

В тридцатые годы, когда была написана “Пиковая дама”, Пушкин проявлял постоянный и обостренный интерес к истекшему столетию. Об этом свидетельствуют многие его произведения – “История Пугачева” и “История Петра”, “Капитанская дочка”, статьи о Вольтере, Ломоносове, Радищеве, дневниковые записи, письма, Table-talk и др. По нашему предположению, в корпусе близких замыслов Пушкина находилась даже многотомная история русского XVIII века

[11, с. 360–383]. Если анекдот Панина о французском аббате (Monsieur l'Abbé) был хотя бы однажды рассказан при Пушкине, то он несомненно остался бы в памяти поэта и историографа. И тогда круг источников “Пиковой дамы” существенно расширяется, а сама реплика обретает дополнительные историко-философские подтексты.

В любом случае “Пиковая дама” была и остаётся важным свидетельством размышлений поэта над событиями и характерами давнего и недавнего прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пушкин*. Полное собрание сочинений. Т. 1–17. Изд.-во АН СССР, 1937–1949.
2. *Вацуро В.Э., Гилельсон М.И.* Из пушкинских маргиналий, М.: “Прометей” 1974.
3. *Листов В.С.* Новое о Пушкине. М., 2000.
4. *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. В 2-х т. Т. 1. М.;Л., 1959.
5. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: “Наука”, 1984.
6. Кукольные комедии. 1. Доктор Фауст. 2. Доктор Фауст или Великий Негромант. 3. Иоганнес Фауст (Перев. Н.А. Сигал) // Легенда о докторе Фаусте. Изд. 2. Подготовил В.М. Жирмунский. М.: “Наука”, 1978 (Литературные памятники).
7. [*Порошин С.А.*] Семена Порошина Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престолу Российского. СПб., 1844.
8. Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907.
9. *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М.: “Мысль”, 1982.
10. *Вигель Ф.Ф.* Записки. В 2-х кн. Кн. 1. М.: “Захаров”, 2003.
11. *Листов В.С.* Пушкин: Судьба коренного поэта. Большое Болдино – Арзамас, 2012.